

Александр Есеев

**По-моему
или
по Мозму...**

Роман

Александр Олегович Есеев
По-моему или
по Моэму... Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30476657

ISBN 9785449054272

Аннотация

Так уж устроена детская сущность, что хочет ли того ребенок или нет, приходится брать с кого-то пример, а если этот пример яркий, но в то же время загадочный и ни на кого не похожий, то здесь выбора не остается совсем. Для одних это заканчивается с моментом вступления во взрослую жизнь, а для других затягивается на долгие годы...

По-моему или по Моэму...

Роман

Александр Олегович Есеев

© Александр Олегович Есеев, 2018

ISBN 978-5-4490-5427-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Все-таки человек величайшее создание Божье. Он разнообразен, многогранен, уникален, изменчив, а точнее даже сказать переменчив. Мы способны изменять кому-либо, чему-либо, да что там, даже самому себе. Меняем свое мнение, настроение, кто-то под влиянием окружающих факторов, кто-то самостоятельно, а подчас даже совершенно не осознанно и это весьма удивительно.

Мы всегда стоим перед выбором. Да, абсолютно всегда. Каждый Божий день. Причем совершенно неважно значительный этот выбор или нет, но он всегда присутствует. Кто-то это четко осознает и воспринимает, как данность, кто-то знает об этом, но делает вид, что ему безразлично, а есть лю-

ди и не ведающие об этой стороне существования, но как говорится – незнание закона, не освобождает известно от чего. Человек разумный и слаб и силен одновременно. Парадокс? Верно.

Как тени, по пятам, за человеком следуют его страхи и пороки, подгоняемые так же для кого-то вполне ведомой и осязаемой силой, а для большей части общества неизвестной вовсе. Я тоже человек, и соответственно не являюсь исключением. Так же как и многие, я неохотно, но всё-таки соглашаюсь с существованием возможности выбора и наличием пороков и прочих вещей, а иногда не делаю этого вовсе. Что-то мне знакомо, а что-то так же неведомо.

Но, несмотря на все это, стремление к познанию и собственному развитию, как известно никто не отменял. Поэтому если есть вопрос, на него практически всегда можно найти ответ. Подчеркиваю – практически. Ситуация безусловно несколько иная, нежели чем, когда человек, стоит перед выбором, даже, наверное, лучше будет сказать не иная, а более выгодная. Выбор есть выбор. Своего рода лотерея. Конечно, «Выбор», как таковой, естественно в зависимости от ситуации, можно и не делать вовсе, но своей сути он от этого не изменит. Как итог – оказывается, он практически всегда есть, делать ли тот самый выбор или нет. Ну, не будем закапываться глубже.

А вот ответ на вопрос всегда можно поискать и в итоге найти, конечно, не факт, что он будет верным. Своего

рода теория вероятностей или попросту шанс. Конечно, вы скажете, что шанс есть сделать и правильный выбор. Соглашусь. И именно этот факт, еще раз доказывает то, что человеческая сущность является широченным плацдармом для ее изучения. При казалось бы более чем очевидных различиях, приглядевшись, можно увидеть большое количество совпадений.

Теперь хотелось бы пояснить, к чему все эти водные излишества. Как я уже сказал, являясь человеком, хотя бы по внешним признакам, я так же не являюсь исключением. Предлагаю считать все вышесказанное, как некое оправдание или объяснение того, что и мой выбор, в итоге оказался так же не прост, а может он и не был сделан вовсе, так это или нет, решать вам.

Глава 2

Как и любой человек, я жил, а жил я, как принято говорить в моем случае, в неполной семье, хотя признаться честно, поначалу не чувствуя этого. Мама, Бабушка и я. Самая, что ни наесть настоящая семья. А если семья настоящая, как можно считать ее не полной. Подчас мне даже казалось, что если бы я жил только с бабушкой, то по большому счету мало, что изменилось. Бабушка была человеком, который тянул на себе все. Когда еще был жив дед, то и его со всеми законами, которые он выдвигал на протяжении всей жизни.

ни. Теперь же это были мама и я. Справедливости ради скажу, что с нами, наверное, было легче, чем с дедом. У мамы еще был брат, а у него в свою очередь была семья, как принято говорить в таком случае – полная. Мамин брат, его жена и двое ребятишек. С моим дядей, по словам бабушки, а соответственно и с его семьей, гены сыграли достаточно злую шутку. Как говорится, яблоко от яблони. Дядиной жене приходилось нелегко, и бабушка, как никто дугой ее понимала и всячески поддерживала. Маминому брату, как раз были знакомы многие из человеческих пороков, присущих мужчине и более того, он был с ними знаком, возможно, даже они были хорошими приятелями, а может и друзьями. Одним словом у бабушкиной невестки были все шансы со временем стать такой же, как и она сама. Да, бабушка так говорила, но при этом, как-то загадочно улыбалась. Видимо думая, что все происходящее в семье сына, пока не дотягивало до тех перипетий, что пришлось пережить ей за долгую жизнь с моим дедом. Мне судить было сложно, так как дедушки не стало, когда мне было пять лет, а стало быть, что-то упомнить было нелегко. К тому же последние года три жизни он очень сильно болел, так что ему было не до нервотрепки своих домашних. Этот факт я додумал уже самостоятельно.

В целом, нашу семью можно было назвать средней статистической, но только исходя из тех факторов влияния, которые мы оказывали на окружающий мир. Объясню. Видимо, где-то или у кого-то существует некая шкала оценки яче-

ек общества, по каким-либо неизвестным мне критериям, допустим от нуля до десяти. Так вот наша ячейка, по моему мнению, находилась где-то посередине. Так что именно в этом случае, ответ очевиден.

Жили мы так же средне. Средний доход мамы, плюс такая же средняя бабушкина пенсия. Шиковать себе не позволяли, да и с чего бы. Никому особо не докучали и к себе не требовали внимания и заботы окружающих. Как и многие другие праздновали Новый Год, Рождество, Пасху, не забывали про Восьмое марта. Я ходил в школу, мама на работу, а бабушка вела все домашнее хозяйство. Вечерами мама с бабушкой смотрели телевизор, а я делал уроки, ну или что-то еще. Летом, в течение весны и ранней осенью ездили на электричке на дачу, таковая у нас имелась. Стоит отметить, так же достаточно средняя.

Как бы смешно не звучало, ходил я в среднюю школу, как в прямом, так и в переносном смысле. Про успеваемость, я думаю, так же многое ясно, она не являлась исключением на общем среднем уровне. Учителя на меня не жаловались, на родительских собраниях, куда гораздо чаще ходила бабушка, меня не особо хвалили, но и жалоб на мою персону не поступало. Когда бабушка приходила с собрания, как правило, никаких комментариев не следовало, а мама частенько и не спрашивала, как все прошло и часто из-за того, что просто не была в курсе. В общем, жизнь текла своим чередом, как уже было сказано, где-то на пятерочку, но по деся-

тибалльной шкале. И это всех устраивало, ведь всегда можно было найти оправдание – у кого-то ведь и хуже, а мы очень даже неплохо живем. Признаться, я именно так и считал – мы живем вполне неплохо.

А время шло. Несмотря на кажущуюся стабильность, оно вносило свои коррективы, как в быт, так и в сознание, постепенно добавляя все то, о чем мы говорили ранее; пороки, страхи, и как правило, незнакомые до селе. Наверное, многие меня поймут. Когда с течением времени начинаешь ощущать присутствие в твоей жизни чего-то нового, волей неволей ты приходится по-иному относиться ко многим вещам, идеям, мыслям. Учишься, как сквозь сито отсеивать все то, что на твой взгляд ненужное или не совсем подходящее на сегодня, а может и вообще. Опять же выбор. Правильный и не совсем, чередуются, как дни недели, месяца. А меж тем в хранилище твоего ума все поступают и поступают новые заготовки для последующих размышлений, а может и того самого выбора. Все извилины твоего мозга, при наличии таковых, начинают работать с удвоенной силой. Чтобы автомобиль мог передвигаться, его необходимо заправлять бензином, трактор соляркой, нужная температура в бане поддерживается при помощи воды, постоянно подливаемой на раскаленные камни. Мозг конечно не автомобиль, хотя тоже своего рода механизм, и так же с элементами внутреннего сгорания, и уж тем более не баня, хоть и бывает жарковато. Но он также требует подпитки, и хочу заметить не са-

мой дешевой. Не воспринимайте эти слова буквально. Цена материи может и не столь велика, да и приобрести ее можно чуть ли не в соседнем магазине. Самые сложные процессы – это дозаправка и подбор необходимого топлива. И как не крути – это так же является выбором. И еще один момент, так же с моей точки зрения крайне важный, если не самый. В круговороте появления в жизни множества новых взглядов и мыслей, главное не прозевать момент необходимости пополнения умственных хранилищ. Конечно судьба для этого дает второй шанс и даже третий, а кому-то «везет» и более существенно, но как показывает сама же жизнь, лучше постараться их не разбазаривать. Однозначно лучше.

С первым более менее существенным выбором я столкнулся ближе к закату своего пребывания в средней школе. Мне предстояло решить – закончить восемь классов, затем поступить в какое-нибудь училище, получить стоящую профессию, после посетить ряды вооруженных сил, отдав долг родине, а по завершении службы вступить в ряды серых масс, оставаясь на привычном среднем уровне, или искать другой вариант развития событий. Казалось, что тут такого? Обычный выбор, обычного школьника, вступающего во взрослую жизнь. Тем более первый вариант проверенный годами и не подводящий практически никого, сулил вполне себе нормальное будущее. Но что-то мне подсказывало, действовать нужно по-другому. Нет, я конечно понимал, что практически все мои сверстники сейчас так же ломают голо-

ву над тем, как быть дальше, но внутренний голос говорил: «Так, да не совсем» – не объясняя, что именно у меня было не так. Бабушка настаивала на развитии событий в формате училище, армия и так далее, а мама с ней не спорила, а точнее молча соглашалась. Не то чтобы меня это задевало. Нет. Мне просто по-юношески казалось, что все должно быть как-то иначе.

Пути Господни неисповедимы. Возможно здравый смысл, может что-то еще, а судьба распорядилась так, что бабушкин план не возымел должного воздействия на мой разум и я принял решение остаться в школе до десятого класса, с возможностью последующего поступления в университет. У меня было два года для того, чтобы окончательно определиться с дальнейшим выбором. В конце концов, бабушкина «идея», имела силу и в этом случае. Как раз это и был главный аргумент, когда я убеждал своих в правильности моего выбора, так как остальные не имели особого воздействия. Два года казались целой вечностью. Можно было расслабиться и со средней напряженностью, более похожей на расслабленность, плыть по течению. Мама на работу, я в школу, бабушка на кухню. Все как всегда. Признаться – это успокаивало. Легкое напряжение возникало лишь тогда, когда в голове всплывали мысли, что рано или поздно все-таки придется что-то решать более кардинально. Девятый класс прошел в спокойном режиме. Время не летело, да и тянущимся его тоже было сложно назвать. Летние каникулы я провел, как

и обычно на даче. Мы имели небольшой домик с пристройкой в виде кухни и небольшой летней террасой. Вокруг дома был небольшой клочок земли, где-то около четырех-пяти соток. Одним словом, нам хватало. С одной стороны у нас были соседи, а с другой находился небольшой прудик, окруженный кустарником, молодыми соснами и такими же туями, историю происхождения которых в нашей полосе никто не мог объяснить. Лично мне было все равно, каким таким ветром сюда занесло семена этих дивных хвойных деревьев. Главным было то, что они крайне гармонично вписывались в общий пейзаж. Дом по соседству выглядел ровным счетом так же, как наш, за исключением террасы, так как каждый член садового товарищества пристраивал ее исключительно самостоятельно с использованием исключительно собственного воображения. У соседей она была на порядок больше, и соответственно придавала дому более внушительные размеры. В доме жила семейная пара неопределенного возраста. На пожилых они пока еще не тянули, а назвать их возраст преклонным не поворачивался язык. На первый взгляд очень воспитанные, образованные и интеллигентные люди. Во всяком случае, последние несколько лет. Лично для меня показателем интеллигентности на тот период являлось то, что из открытых окон комнаты частенько звучала классическая музыка. Что это было сказать не могу. Крайне ненавязчиво, может быть даже тихо, из раскрытого окна защищенного светло-серым тюлем на улицу вырывались зву-

ки. Струнные, в сочетании с духовыми, то затихая, то усиливая звук, взлетали ввысь, безмятежно парив над нашей небольшой террасой, чтобы бесшумно, как июльский тополиный пух, опуститься на воду безмятежно лежащего пруда, окруженного туями, ядовито-зеленого цвета и неизвестно, как попавшими сюда. Иногда это была сугубо фортепианная музыка. Нескончаемые переливы клавиш лично на меня наводили какие-то странные ощущения. Чувство полного непонимания в сочетании с безудержным печальным восторгом. Иногда я представлял себе, что это я сижу за этим инструментом. В белой накрахмаленной рубашке со стоячим воротником, черном смокинге и такой же бабочке, а туфли на ногах непременно лакированные. Я точно знал, что каждый пианист усердно нажимает какие-то загадочные педали, расположенные строго посредине инструмента, около самых ног. Загвоздка была в том, что я совсем не понимал, зачем он это делает. Так вот, цель моего мысленного пребывания в этом где-то может быть сказочном для меня образе, была именно в этом. Как можно больше и чаще нажимать те самые педали. Мне казалось, что та музыка, которая как тот самый пух, выпархивающая из окна, рождается не нажатием черно-белых клавиш, отнюдь. Для меня все то, что я слышал, являлось исключительно результатом нажатия тех самых заветных металлических педалей, отчетливо гладких и упругих, лишь с небольшим вкраплением основного источника звука – клавиш.

Во время импровизированного концерта, хозяин дома частенько выходил на террасу. Это был человек небольшого роста, плотный, может быть даже немного упитанный, но толстым его нельзя было назвать. С округлым лицом и коротко подстриженными седыми волосами. Крупные черты лица, придавали его взгляду некую уверенность, временами может быть даже суровость. Он не спеша вышагивал по сухому и скрипучему лакированному полу террасы, озираясь по сторонам. Практически у самого выхода с террасы, стояло кресло-качалка. Черного цвета, на широком деревянном основании, с толстыми подлокотниками округлой формы. Поверх кресла лежал плед, возможно меховой, а может и плюшевый, достаточно толстый, чтобы обеспечить комфортное времяпрепровождение. Руки хозяина никогда не были пустые. Если это происходило утром, то, как правило в них он держал свежую прессу, которую каждое утро забирал из почтового ящика, расположенного на центральной улице садовых участков. Что эта была за газета сказать сложно и, наверное, это не столь важно. Во всяком случае, серьезный вид соседа при чтении, в сочетании с надвинутыми на кончике носа очками, в неприлично тонкой оправе говорили, что это явно не желтая пресса. Если подобная картина наблюдалась в обеденное или послеобеденное время, то перед хозяином дома непременно была раскрытая книга. Процесс приема пищи в этой семье так же проходил преимущественно на террасе. Посередине веранды стоял большой круглый

стол на толстых деревянных ногах, покрытый плотной скатертью темно-вишневого цвета, что безусловно гармонировало в сочетании со всем вокруг. Обедали и ужинали они с женой вместе, сидя друг напротив друга. О чем-то беседовали, а иногда молчали. В эти моменты взгляд мужчины был погружен в книгу. Жена лишь изредка позволяла сделать замечание, что чтение отвлекает супруга от приема пищи, и она наверняка уже остыла. Тот согласно кивал головой, при этом, не отрывая глаз от книги.

Я часто сидел на диване-гамаке, который находился у импровизированного забора из кустов, спиной к пруду и с интересом наблюдал за идиллией своих соседей. Они же попросту меня не замечали или только делали вид. Не спеша и размеренно они делали свое дело. Поначалу мне казалось, что они не могли меня не замечать, но со временем, когда подобные наблюдения с моей стороны стали систематическими, я стал думать именно так. Мое присутствие, да и вообще все происходящее вокруг никак не влияло на поведение этих людей. Будь на улице дождь или зной, все было предельно размеренно и величаво. Странно, почему я не замечал этого раньше? Скорее всего, мне просто было не до этого. Я целыми днями носился на улице, только изредка прибегая домой, чтобы пообедать, и то, если бабушке удавалось меня отыскать, что признаться было нелегко. Сейчас же все было по-другому, все казалось иным. Другое лето, другие соседи, возможно, стал другим и я. Да что тут странного, казалось

мне? Оставался всего год. Так что все было по-честному, еще немного и я встану, может быть, перед самым главным выбором в своей жизни. Признаться, от этой мысли становилось немного не по себе.

В детстве я иногда задавал себе вопрос, как это становиться взрослым? Должен ли человек что-то чувствовать в этот момент? Я был абсолютно уверен, что это изменение должно произойти не то, чтобы в одночасье, но явно с какими-то ощутимыми признаками, но с какими конкретно ясно не было. Если ребенку что-то не понятно, то он вполне естественно обращается к взрослому. Так было и в моем случае. В моем распоряжении были мама и бабушка. Я принял решение обратиться к бабушке. Во-первых она старше, а стало-быть опытнее и умнее, а во-вторых она просто была все время дома и задать ей любой вопрос не составляло особого труда. С мамой было сложнее. Услышав мой вопрос, мне показалось, бабушка сначала немного растерялась, очевидно не ожидая с моей стороны подобного интереса, ну а затем, начав откуда-то совсем издалека, плавно перешла к тому, что мне необходимо закончить хорошо школу, поступить в училище и так далее. В общем, через пять минут бабушкиных объяснений, я понял, что ничего нового я для себя не узнаю. Я поблагодарил ее за подробный рассказ о переходе во взрослую жизнь и удалился, чтобы снова вернуться к собственным размышлениям, как вдруг меня посетила одна мысль, а не тот ли самый это момент? Ба-

бушке не удалось рассказать мне крайне поучительную историю о необходимости успешного завершения школы, которая и так понятна без всяких разъяснений, и я не поддался. Может быть, будь я ребенком, я бы уделил этому рассказу гораздо большее внимание? Да нет, все равно многое не сходилось, ребенку такие вещи так же должны быть ясны. Тогда так; взрослый понимает подобное в любом случае, с объяснениями или без них, а ребенку для понимания все-таки требуются некие пояснения, причем систематические. Такой расклад меня устраивал гораздо больше. Стало быть, в бабушкиных словах была и доля правды. Переход во взрослую жизнь не может и не должен быть резким. Здесь все происходит последовательно, так, что порой и не заметишь, но я то другое дело. Я заметил. Эта мысль, безусловно, предавала мне уверенности и поднимала в собственных глазах, а это приятно.

Глава 3

В моменты, когда на террасе по долгу никого не оказывалось, я либо продолжал сидеть в гамаке, погруженный в свои мысли, либо тщетно пытался найти себе какое-либо занятие. На улицу меня особо не тянуло. Поэтому, если поначалу ребята ко мне еще заходили, чтобы позвать погулять или на пруд искупаться, то ближе к середине лета их визиты прекратились. Признаться меня это не расстраивало, более то-

го, даже не пугало. Стоп, а это не еще ли один сигнал? Как здорового ребенка могут не интересовать летние прогулки со сверстниками, если он конечно здоровый. Здоровый – отвечал сам себе я. Просто это еще один показательный момент для меня, что процесс продолжается. Каким же нужно быть человеком, чтобы не заметить таких очевидных вещей? Но тут же у меня в голове начинали закрадываться сомнения. А может быть это все мои предрассудки, и ничего такого не происходит. Ну, подумаешь, не хочется на улицу, что здесь такого. Завтра все может измениться, а то, что нужно хорошо учиться в школе, становилось все более ясно, как Божий день. Такие мысли нагоняли на меня грусть. Неужели все мои доводы ошибочны? И я по-прежнему ребенок.

Когда подобные размышления начинали одолевать окончательно, я понимал, что необходимо что-то было делать. Немного подумав, я решил. Раз меня не особо тянет на прогулки со сверстниками, почему бы не делать это в одиночку. Эта идея мне очень сильно приглянулась. Как я уже говорил, по правую сторону от нашего дома находился пруд. Подойти к нему напрямую с участка не представлялось возможным, несмотря на отсутствие ограды. Древние, разросшиеся до небывалых размеров и давным-давно не плодоносящие кусты крыжовника и толи красной толи черной смородины, вместе с молодыми деревцами и выросшей по пояс травой, стояли непреодолимой преградой. Так что в принципе, можно было сказать, что забор все-таки существовал.

Чтобы приблизиться к водоему, надо было выйти на улицу через калитку, и повернув направо миновать двух-трех метровый подъем. Отсюда открывался совершенно иной вид. Пруд, как и наш участок, находился немного в низине. Практически правильная овальная форма придавала пруду некую нелепость. Но общий пейзаж, заставлял не обращать на это никакого внимания. Каемка из ярко-зеленой ряски тонким слоем лежала на мутной, но в тоже время казавшейся кристально чистой воде. Как я уже говорил, лето подходило к своему экватору. В эту пору пруд выглядел особо чарующим. Связано это было не только с тем, что по его периметру красовались те самые невысокие сосенки, ели и туи, с упругими ветками, усыпанными тысячами длинных, неприлично здорового вида иголками, но и от того, что на поверхности воды, абсолютно в хаотичном порядке, как поплавки, безмятежно расцветали кувшинки и лилии. Высокие упругие лепестки желтого цвета, а на фоне пробивающихся сквозь листву солнечных лучей, казавшиеся даже золотистыми, аккуратно обрамляли соцветия. Кувшинки были не менее очаровательны. Белые, но не белоснежные, с бледно-желтыми прожилками, чем-то напоминающие аккуратно надрезанные маленькие тыковки, при помощи неведомой силы, медленно вращающиеся вокруг своей оси, при этом, не создавая ни малейшей ряби на водяной глади.

Стоя на небольшом пригорке, и наблюдая за всем происходящим, я чувствовал, как мысли в голове замирали. Вооб-

ще казалось, что все вокруг, пусть на миг, но останавливалось. Методом мимолетной дедукции, я понял, что этот оазис, если и предполагал, то лишь размышления строго определенного характера. И мне подумалось, что как раз те, что интересовали меня, и это было как никогда кстати. Обогнув пруд по левому берегу, можно было попасть на небольшое открытое пространство чем-то напоминающее опушку, но не совсем. С этой стороны пруд выглядел не менее очаровательным, только вот наш небольшой домик, с облупившейся краской, на заднем плане, немного портил картину. За опушкой начинался лес. Сначала немного жиденский, состоящий из полуоблезлых елей и сосен, только гораздо более высоких нежели, чем возле пруда. Но чем дальше ты заходил вглубь леса, тем плотность растущих деревьев постепенно возрастала. Время от времени под ногами попадались вросшие в землю куски арматуры, гнилые доски, прикрученные к остаткам асбестовых столбов, иногда даже обрывки колючей проволоки, лично для меня говорящие о том, что возможно когда-то здесь была жизнь. И в этом было что-то загадочное.

Преодолев по постепенно сгущающемуся лесу несколько сотен метров, ты попадал на еще одну опушку, но чуть более внушительных размеров, нежели та, что была ранее. Вокруг нее, как исполины возвышались высоченные сосны с толстыми стволами, меж которых, словно братья меньшие, как бы извиняясь, покачивались невысокие, болезненного вида бе-

резки вперемешку с кустами орешника и карликовыми елками. Могучие кроны сосен, видимо совсем не пропускали солнечного света, тем самым не оставляя шансов остальным обитателям опушки вытянуться еще хоть немного. Власть в этом месте принадлежала только им. Пятачок был покрыт плотным слоем свежей и достаточно высокой травы, которая нигде не была примята, это говорило о том, что здесь давненько никто не прохаживался. И это так же мне было по душе, как ни странно. Практически в самой середине опушки стоял большой пень, может быть сосновый, а может и нет. Определить было сложно, коры на пне давно не было, а иные признаки мне были незнакомы. Прогнивший у основания, влажный даже в сухую погоду и судя по всему, с годами кардинально изменивший цвет, казалось он не способен послужить даже временным пристанищем для одного—другого десятка опят. А для меня оказался, как никогда кстати.

Каждый день, когда терраса моих соседей пустела, я отправлялся в лес, а точнее к тому самому пню. Поначалу просто так, а потом – это стало своеобразным ритуалом. Мне казалось, что высокие сосны приветствуют меня с присущей им величавостью, а небольшие березки, как детвора, начинали судорожно трястись, не скрывая своей искренней радости.

Сделав несколько кругов по периметру опушки, дабы поприветствовать всех обитателей лесной коммуны, затем я усаживался на пень, предварительно подстелив что-нибудь

под пятую точку. Как я уже говорил, пень постоянно оставался влажным. Возможно, и здесь вмешались сосновые шапки, мешающие солнечным лучам беспрепятственно достигать всех частей опушки, а может быть – это была его особенность. Ведь это был непростой пень, а он действительно был особенным, пусть только для меня. Если погода была солнечной, я садился лицом к солнцу.

Как правило, мои визиты в лес приходились на послеобеденное время, а стало быть, солнце было уже не в зените и можно было спокойно сидеть, закрыв глаза, направив голову в направлении светила. Не подумайте, что я сидел просто так, без дела. Я думал. Иногда о чем-то отрешенном, но чаще о том, что мне предстояло в будущем. Оставался всего год до поступления. Иногда мне казалось, что это всего лишь год, а временами, что целый.

Подолгу я не засиживался. Со временем, я даже научился высчитывать какое время веранда моих соседей будет пустовать. Вот в таких вот незамысловатых занятиях, кому-то может быть казавшимися бездельем, июль подошел к завершению. Дни становились заметно короче, а вечера не такими теплыми. Солнце пригревало, но палящим его было называть все сложнее и сложнее. Наступал август, венец лета, прекрасный и печальный одновременно.

Глава 4

В один из дней я как всегда сидел и наблюдал за своими соседями. Точнее сказать не наблюдал, наверное, это не совсем правильное слово, мне казалось я уже жил на этой веранде среди этих людей, сидел вместе с ними за столом, пил чай, иногда даже почитывал газетку, которую хозяин дома оставлял на столе, удаляясь ненадолго по своим делам. Чай был ароматный, с добавлением каких-то трав или чего-то в этом духе, я такой никогда не пробовал. Заваривался он в высоком фарфоровом чайнике с золотистыми вертикальными полосками и таким же длинным носиком.

Глядя на это чудо гончарного дела, мне почему-то вспоминались кувшинки, которые я каждый день наблюдал на нашем пруду, и на моем лице появлялась легкая улыбка. Чайные чашки были выполнены в такой же интересной форме, это явно говорило о том, что вместе с чайником они являлись частью одного сервиза. Посередине стола стояла широкая пиала в форме перевернутого раскрытого зонтика, практически до краев заполненная вареньем из крыжовника. «Наверное, с ягодными кустарниками у соседей дела обстоят намного лучше, чем у нас» – подумал я, – «Иначе, откуда же могло взяться варенье?» Внешний вид был не очень привлекательным, но вкус, я думаю, должен был быть отменным. Мне так казалось. Рядом, в глубоком блюде лежал нарезанный хлеб, а пиале поменьше, но глубже, чем предыдущая, несколько конфет, причем некоторые из них, судя по их внешнему виду, достаточно давно, а так же несколько

больших вафель. Мы втроем сидим вокруг стола, чай налит. Сильный пар, изгибаясь не повторяющимися узорами, вздымается практически до самого потолка.

Глава 5

Раскачивающийся гамак, раздражительно поскрипывал, но меня это не нервировало. Я то и дело, цепляясь ногами за землю, добавлял ему амплитуду движения, изредка переводя свой взгляд с веранды, то на небо, то куда-либо еще. Как не крути, а любое, даже самое приятное занятие, может не то чтобы утомлять, но притуплять внимание точно. Я задержал свой взгляд на толстой ветке высокого тополя, которая под силой ветра, плавно раскачивалась из стороны в сторону. Не знаю что, но что-то в этом было. Может быть, меня заинтересовал то факт, как ветка плавно преодолевала расстояние сначала в одну сторону, затем так же плавно останавливалась, чтобы начать ровным счетом такое же размеренное движение в обратную, а может и то, что несмотря на изменение ветра, каждый раз ветка не меняла расстояние от начала движения, до его завершения, а может мне изменял мой глазомер. Одним словом, казалось бы ничего интересного, но меня это откровенно увлекало.

Когда я снова вернулся к террасе, я растерялся, потому как впервые за все это время, поймал на себе взгляд хозяйина дома. На его лице была легкая улыбка, такой знаете –

ротовой прищур, если можно так сказать, но вполне дружжелюбный. Я ответил тем же. Сначала я не мог понять, чем вызвана улыбка на лице моего соседа. Возможно, причиной было варенье из крыжовника, почему бы и нет, а возможно он действительно был рад тому факту, что наконец обратил свой взор на меня. После нескольких секунд созерцания друг друга, он жестом показал, чтобы я поднимался на террасу. Я, как принято в таком случае, показал указательным пальцем на себя, как бы переспрашивая, действительно ли меня приглашают, и получив подтверждение, встал с гамака и пошел в сторону калитки. Оказавшись у ступенек террасы, я остановился, ожидая приглашения подняться, мне показалось, что так будет правильно. Самого хозяина я не видел, видимо из-за того что стол все-таки находился далековато от входа. Через мгновение раздался голос:

– Что вы стушевались, молодой человек? Проходите, не стесняйтесь.

Не знаю, с чего вдруг сосед взял, что я стеснялся, наверное, так тоже было принято. Я поднялся по лестнице и подошел к столу, за которым и сидел хозяин дома. На столе было все почти так, как я себе представлял, ну почти. Чашки было две, причем та, которая стояла перед соседом была полная, но явно остывшая, а та что находилась ближе ко мне пуста. Скорее всего, пока я обходил через калитку, ее принесли для меня, либо она просто уже стояла.

– Ну, добрый вечер. – С этими словами, мужчина через

стол протянул мне руку.

– Здравствуйте. – Отозвался я, естественно отвечая на рукопожатие.

– Извольте чаю? – С легкой улыбкой спросил он.

Стараясь придерживаться стилистики общения хозяина дома, что вероятно у меня достаточно плохо получалось, я решил не отказываться.

– Пожалуй. Если можно.

Мне была диковинна манера общения соседа. Какие-то витиеватые словечки, загадочная улыбка. Создавалось впечатление, что он не воспринимает меня в серьез и позвал только с одной целью, развеять свою скуку и посмеяться надо мной.

На столе стоял дюралевый чайник, с подгоревшим дном, на металлической подставке, которую можно было встретить в каждом доме нашего садового товарищества. Мужчина взял чайник и налил в кружку, оставив немного места, видимо для заварки, которая стояла здесь же. Конечно не в таком чайнике, который я рисовал в своем воображении, но вполне в сносном.

– Сударь, что же вы стоите? Присаживайтесь, пожалуйста. – Хозяин показал жестом на стул, который стоял рядом со мной. Обычный деревянный стул, сидение и спинка которого, были обиты незамысловатой материей, практически выцветшего зеленого цвета. Хозяин подвинул ближе ко мне надутую сахарницу, с отколотой крышкой и небольшую

фарфоровую вазочку набитую очень даже аппетитным печеньем, – Настоятельно рекомендую, – продолжал он, – Моя супруга сама печет, по своему рецепту, я думаю вам понравится.

Я уселся на стул и подвинул к себе кружку. Положив в нее пару ложек сахара, я взял в руку одно печенье и посмотрел на своего собеседника. Сосед откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди, при этом достаточно пристально смотрел на меня поверх очков, сидевших практически на кончике носа. Я решил прибегнуть к совету хозяина не тушеваться, и надкусил печенье. Хочу вам сказать, что он оказался прав. Оно было бесподобно. Явно приготовленное только сегодня, в меру сладкое, рассыпчатое, с добавлением каких-то пряностей.

– Ну что любезнейший, я был прав? Вам понравилось? – все с той же улыбкой продолжал сосед.

Прожевав печенье, я ответил:

– Вы оказались правы. Оно действительно очень вкусное, очень. Спасибо.

– Тогда берите еще. Берите, берите. Не стесняйтесь.

Я решил не сопротивляться. Тем более мне и самому хотелось проглотить еще пару штук.

– Давайте знакомиться, – не дождавшись окончания моей трапезы, предложил хозяин, – меня зовут С.У., а вас милейший?

Все эти непривычные для меня словечки, безумно реза-

ли слух. Общаться в такой манере, для меня было в первые, а не поддержать стиль разговора, мне казалось непозволительным. Поэтому доев второе печенье и собравшись с мыслями, я продолжил:

– Безумно приятно, – не знаю, почему я применил именно это словосочетание, но мне оно показалось наиболее подходящим, – а меня М.

– Что ж, мне тоже приятно, молодой человек. Вы ешьте, ешьте. – настаивал С.У.

Я взял третье печенье и принялся его жевать, запивая полу остывшим чаем. Сосед продолжал пристально смотреть на меня.

– Вот ведь, как бывает М., вроде и соседи, а целное лето словом не перемолвились. Нелепица какая-то, не находите?

К этому времени я уже доел и печенье и мог беспрепятственно вести диалог.

– Да. Признаться, это немного странно. – после этих слов, сосед негромко рассмеялся.

Я не совсем понял, что именно вызвало его смех. Может быть и обсуждаемый факт, так как мы не общались не только этим летом, но и в принципе, может что-то еще, но скорее всего, его позабавила моя неуклюжая попытка поддержать разговор, в предложенном им ключе. Вряд ли С.У. подобным образом общается в повседневной жизни, хотя случаи бывают разными. Скорее всего, это было сделано намеренно, в связи с моим приходом. Своего рода забава, ну или что-то

в этом роде. Признаться, смех С.У. немного меня смутил. Я и без того не чувствовал себя раскованным, а теперь и вовсе не понимал, что говорить.

– Я так понимаю у вас каникулы? – продолжал сосед.

– Вы понимаете абсолютно верно, – я не ожидал от себя такого ответа, – каникулы.

– Тогда позвольте поинтересоваться, вы школьник или может быть уже студент? Подобный вопрос мне задавали так же впервые. Обычно ни у кого не возникало вопросов, школьник я или нет. Неужели за эти короткие полтора-два месяца я стал выглядеть как-то иначе? Неужели, я все-таки повзрослел и не заметил этого, а поэтому определение моего возраста стало не таким простым. Или это все-таки снова некая игра моего соседа, дабы подзадорить меня? Все было непонятно. Что делать? Посмотреться в зеркало? Я думаю, это не поможет. Как говорить, чтобы почувствовать разницу надо не видеть человека хотя бы несколько лет, а в случае с самим собой, это проблематично. Нет, я конечно не был человеком, который смотрится в зеркало по несколько раз в день, но периодически это делал, пусть даже не по собственной воле.

– Увы, я школьник, – после небольшой паузы, связанной с моими раздумьями вымолвил я.

– Почему же, увы? Обычно дети негодуют, расставаясь с детством, а стало быть и со школой. У вас я погляжу, все обстоит иначе?

После этих слов я принялся рассказывать С.У. некоторые из своих размышлений. И по поводу того, что мне остался всего год на принятие решения касаясь поступления, и про отсутствие каких-либо идей по поводу этого. Так же рассказал про бабушкин вариант, который искренне рассмешил С.У.. Он спрашивал про мои успехи в школе, чем я вообще интересуюсь и крайне недоумевал, что я до сих пор хоть примерно не могу нарисовать свое ближайшее будущее. Я слегка краснел от этого, признавая нелепость ситуации, но ничего более дельного ответить не мог. Так как про мою скромную персону особо обсуждать было нечего, я стал задавать вопросы хозяину дома. Они не отличались особой оригинальностью. Из короткого рассказа С.У. я узнал, что он вместе со своей супругой уже несколько лет на заслуженной пенсии. Вся сознательная жизнь, которая поместилась в десяти, может быть пятнадцати минут рассказа, была достаточно интересна и разнообразна. Он никогда не засиживался на одном месте, чем это было вызвано, он не пояснял. Кто он был по образованию, признаться, я так и не понял, потому как он работал и главным технологом на атомных крейсерах, бороздивших северные моря и научным сотрудником в неких лабораториях, которые занимались непонятными для меня вещами. Более всего меня поразило то, что несколько лет он проработал в Олимпийской сборной по лыжам. Как такое получилось, я так же не понял. Он лишь обмолвился, что разрабатывали какую-то новую смазку для лыж, кото-

рая в итоге дала очень хороший результат. Между рассказами, он делал небольшие паузы, чтобы сделать глоток другой чая, и при этом, уже привычно посмеивался. Хотя я были ребенок, что тут скрывать, смех моего собеседника казался мне немного странным. Вроде человек искренне улыбался, а в глазах читалась неподдельная грусть. Как будто наш разговор, заставлял вспомнить о чем-то таком, что тяжело монтировалось с беззаботной улыбкой.

Через некоторое время мы попрощались и я пошел домой. Это знакомство произвело на меня очень большое впечатление. Причины я не понимал. В принципе, ничего такого не произошло. Практически обычный человек, обычное знакомство, самый, что не на есть обычный разговор. Но что-то тем не менее не давало мне покоя. В этом человеке, С.У., была какая-то загадка. Это странное поведение, манера разговаривать. Почему круг его занятий был столь обширен в свое время? Наверное, это все неспроста. Эти мысли будоражили мне голову. Неужели в жизни стали происходить какие-то вещи, отличные от обыденных и порядком надоевших. Я снова вернулся к вопросу соседа по поводу того кто я, школьник или студент. Значит, я все-таки взросло! От этого мне становилось еще более радостно на душе, но и тревожно одновременно. Радость была очевидна, а тревогу я списывал на слишком большое количество впечатлений. Странных впечатлений.

На следующий день с утра, отойдя от сложившихся тра-

диций, я пошел в лес к своему пню. Погода выдалась пасмурной. Всю ночь шел дождь, так что под утро все вокруг было сырое, а прогулка по лесу являлась вообще особым аттракционом. Пробираясь среди деревьев, приходилось следить за малейшим дуновением ветра, так как стоило ему подуть, как с деревьев, плотной стеной, начинали падать капли, на время задержавшиеся на листьях и ветках, после ночного дождя. И это хоть и неприятно, но бодрило. Сидя на пне, спиной к пытающемуся пробиться сквозь облачную пелену и сосновые кроны солнцу, я еще раз переживал вчерашний день. Понимая умом, что опять же ничего особенного не произошло, через мгновение я сам же убеждал себя в обратном. Кто он такой этот С.У., помимо того, что я уже о нем знал. Это предстояло выяснить. Меня просто распирало от любопытства. «Интересно, пригласит ли меня сегодня С.У. к себе на террасу?» – думал я, – «Или это был единичный случай». И сам же себе отвечал: «Да нет, непременно пригласит, иначе и быть не может». Время текло мучительно медленно. Было необходимо дождаться обеда, потому как именно после него С.У. с супругой начинали свое чаепитие.

Солнцу так и не удалось пробиться своими теплыми лучами к земле. Небо окончательно заволочло туманной пеленой из плотных облаков, и снова пошел дождь. Сначала не большой, но постепенно усиливающийся. Поняв, что погода на сегодня не сулит для меня ничего радужного, я отправился в сторону дома. Спустя какое-то время, дождь

из сильного превратился в ливень и судя по всему в затяжной, а это никак не входило в мои планы. В такую погоду сидеть в гамаке я никак не мог, а с нашей террасы, открывался не совсем хороший вид на веранду соседей. Нет, конечно, было видно кто находился на ней, пусть и не очень хорошо, но проблема была не с этим. Было необходимо, чтобы в первую очередь, я находился в зоне видимости, а при такой погоде это было, как минимум сложно. Я наскоро пообедал, уселся у закрытого окна и стал пристально следить за тем, что происходило у соседей. Часы на нашем серванте уже пробили три часа дня, но на террасе у С.У., так никто и не появился. Окно, из которого я так часто слышал звуки музыки, было плотно закрыто и наглухо зашторено. Время шло, дождь не успокаивался. Спустя еще минут тридцать, когда сидеть на одном месте было совсем не выносимо, я принял решения все-таки выйти на улицу. Не спеша, одев резиновые сапоги, я поймал себя на мысли: «А с чего я вдруг вообще решил, что смогу, как вчера снова пойти к соседу на чай, меня же не приглашали?» И сразу же сам себе отвечал: «Не знаю, откуда взялся этот вопрос. Естественно меня никто не приглашал. Просто надеюсь, что сегодня произойдет так же как вчера. Чистая случайность, а этот проклятый дождь все портит». Я нацепил плащ и снова подошел к окну. На соседской веранде я заметил супругу С. У. Конечно не совсем то, что я ожидал, но уже что-то. Быстро накинув капюшон, я выбежал за дверь. Да, на улице творился сущий

потоп. Вокруг дома зияли большие лужи и надо признаться достаточно глубокие. Давно следовало выложить дорожку от дома к калитке какой-нибудь плиткой или камнями, на худой конец просто засыпать песком. Гамак, на котором я просиживал все предыдущие дни, хоть и был наспех прикрыт пленкой, скорее всего это сделала бабушка, очевидно, вымок насквозь.

На соседской террасе уже никого не было. Необходимо было что-то предпринимать, не стоять же, как истукан на улице под дождем, в ожидании «чуда». Я не придумал ничего более оригинального, чтобы быть замеченным, как взять еще небольшой кусок пленки и демонстративно пытаться накрыть гамак получше, как будто в этом был какой-то смысл. Делать я это старался, как можно медленнее, параллельно искоса поглядывая на соседскую веранду. По прошествии нескольких минут «мартышкиного труда», эффект был нулевой и я принял решение пойти домой, но как только я подошел к крыльцу, у соседей послышался шум. Повернувшись, на веранде я увидел С. У. В знакомых очках и с газетой в руках, хозяин вышел на террасу. Оглянувшись вокруг, видимо оценивая масштаб стихии, царившей вокруг, он сел в свое кресло. На сердце у меня посветлело. Возможно, сегодняшний день прожит не зря, но для того, чтобы это понять, осталось быть как минимум замеченным. И я снова взялся за свое нелепое дело. Утопая в лужах, подошел к гамаку и стал делать вид будто спасаю что-то

от чего-то, при этом чувствуя себя крайне нелепо. По-прежнему меня никто не звал. «Возможно, я не слышу С.У. из-за слишком громкого дождя, капли которого монотонной барабанной дробью отстукивают свой ритм по железным крышам домов. Я снова слегка развернулся, чтобы краем глаза увидеть, что происходит на террасе. Сосед уютно восседал в своем кресле, почитывая газету. Что-то мне подсказывало, что меня о не видел или не хотел видеть, что по сути, для меня в этот момент было абсолютно равнозначным. В итоге, накрыв любимое место своего пристанища, я вошел в свой дом, громко хлопнув дверью. Весь оставшийся вечер я больше не подходил к окну, выходящему к террасе соседей, до позднего вечера пролежав на диване перед телевизором. Ближе к полуночи, дождь стал потихоньку затихать. Закончился ли он в итоге, я не знаю, потому что сон сразил меня гораздо раньше.

Несмотря на крепкий сон, мне снились сны. Многие так и остались где—то глубоко в моем подсознании, так и не мелькнув, хотя бы на мгновение в моей памяти, но некоторые все-таки ненадолго задержались.

Глава 6

Мне снились северные моря и океан. Окованные в многолетние и нескончаемые льды просторы края земли, уходили за горизонт. Даже несмотря на вечную мерзлоту, и полное

безмолвие, все вокруг не казалось мертвым. Наоборот, казалось, что все дышит. Дышит свежестью беспредельно морозного воздуха, россыпями нескончаемого, напоминающего огромную пуховую перину, количества снега. Снежные валуны и перекаты, равнины и впадины. Все это заворачивало, даже во сне. Границы между водой и землей была размыты, их не существовало. Только в некоторых местах, где по каким-то неведомым причинам, можно было разглядеть почерневшую от холода воду, покрытую рябью, словно дрожью. Во сне я имел возможность наблюдать все это великолепие с высоты птичьего полета. Причем, то ускоряя скорость полета, то замедляясь. При желании можно было спуститься чуть пониже, либо подняться в самую высь, что не под силу даже самым могучим и выносливым птицам. Да это и объяснимо – это же был мой сон, а я и все вокруг лишь его часть.

Вдруг я услышал непонятный шум, чем-то напоминающий рокот. Он шел откуда-то издалека, по нарастающей, возникая почти из неоткуда. Имея возможность беспрепятственно передвигаться в небесных сводах, я стал оглядывать все, что происходило вокруг, пытаюсь понять, откуда исходит шум. Где-то вдали ближе к горизонту, освещенному яркими лучами солнца, я увидел темную точку. Где именно она находилась, я знать не мог, потому что не знал, что там вода или все-таки суша. Но если брать во внимание, что это был сон, я знал, что смогу оказаться в том месте достаточно скоро. По мере приближения к источнику шума, я начал пони-

мать, что это такое. Все более и более четко вырисовывались очертания огромного ледокола. Размерами с высокий многоподъездный дом, он двигался на очень большой скорости, уверенно разламывая огромные глыбы льда своим форштевнем. На палубах никого не было. Поначалу мне показалось, что это немного странно, но вспомнив, что это сон, я успокоился. Я завис над ледоколом, чтобы лучше разглядеть все его башни, шлюпки, палубы и прочие элементы, присущие судну. А махина продолжала двигаться по своему курсу. Никаких огромных труб, из которых, как мне казалось, должен валить густой дым, на нем не было, что дало мне понять – этот ледокол явно атомный. В памяти стали мелькать мысли, что буквально совсем недавно я разговаривал про подобные суда или просто что-то слышал, но никак не мог припомнить где и при каких обстоятельствах. Преодолев некоторое расстояние вместе с ледоколом, я увидел кое-что еще. По левому борту от судна, так же из неоткуда, к ледоколу стала приближаться достаточно внушительная группа лыжников. В разноцветной форме, коньковым ходом и ничуть не уступая ледоколу в скорости. Зрелище было конечно потрясающее. Я принял решение немного снизиться, чтобы точнее разглядеть участников. Все оказались молодыми, спортивного телосложения, с покрасневшими щеками мужчины и девушки. Впереди, как предводитель, ехал лыжник в форме, немного отличавшейся от остальных, в большей степени цветом. Куртка была клетчатая, что не совсем характерно для спор-

тивной амуниции, а брюки, ботинки и лыжи черными. Предводитель поднял на меня голову и я его узнал – это был С. У. Он улыбался и приглашающим жестом звал меня стать одним из них. В свою очередь, я руками показал, что у меня нет лыж, да и вообще здесь мне гораздо комфортнее. Тогда С. У. резко изменился в лице, может быть оно стало даже немного зловещим, махнул безразлично в мою сторону и показал всей группе, что необходимо брать левее, дабы удалиться от курса ледокола, что и было сделано. Я хотел устремиться за ними, но что-то мне мешало. Какая-то невидимая стена не давала мне полететь вслед за лыжниками. А тем временем, и ледокол и «спортивный косяк» постепенно удалялись от меня, зависшего в воздухе и неспособного пошевелиться. Все дальше и дальше, пока совсем не исчезли за линией мнимого горизонта.

Через мгновение, я открыл глаза. Я лежал в потели у себя в комнате. За окном было еще темно. По металлической крыше, отрывисто постукивали немногочисленные капли дождя. Я не мог понять, то ли дождь так и не переставал, либо это была уже вторая волна. В любом случае, это меня не радовало. Я посмотрел на часы, которые стояли на тумбочке рядом с кроватью, они показывали без четверти четыре. «В июне в это время уже светает» – подумал я, – «А сейчас уже и июль подходит к концу, да и заволокло все». Полежав так какое-то время, я развернулся к стене, и долго еще не мог уснуть. Дождь продолжал отстукивать свои неза-

мысловатые ритмы, к моему разочарованию, все-таки постепенно усиливаясь. Не знаю, сколько прошло еще времени, но в итоге я снова уснул.

Второе пробуждение пришлось на десять часов. Приоткрыв один глаз, я увидел, что в комнате светло, но солнечного света по-прежнему не было. Я начал прислушиваться идет ли дождь. Четко слышался стук капель, но мне показалось это не дождь, а стекающие струйки воды разбивались о металлические карнизы окон. Признаться, это придало мне сил и настроения. Нацепив штаны, я быстро выскочил на веранду. Мои предположения были верны. Дождь закончился, оставив после себя достаточно ощутимые последствия для нашего участка.

Я позавтракал на скорую руку, к чему бабушка уже привыкла и нацепив резиновые сапоги, двинулся по привычному маршруту. Несмотря на столь продолжительный дождь, почва в лесу особо не размокла. Видимо густая листва достойно справилась с одной из своих задач. Так что до своего пня, я добрался максимально оперативно. Сидеть на нем оказалось, к сожалению, невозможно, он был не просто мокрым, а выглядел, как постаревшая губка и, судя по всему, не только выглядел, но и являлся таковым.

Я прислонился спиной к пню и закрыл глаза. Воздух был выразительно свежим. Дышалось настолько легко, что для этого не требовалось никаких усилий. Мое дыхание было спокойным, бесшумным и размеренным. Причем бесшум-

ным настолько, что я отчетливо слышал все происходящие вокруг. Падающие капли с ветвей деревьев, журчащие ручейки, стремящиеся куда-то вглубь леса, ленивые покачивания стволов деревьев. Мне казалось, я различал каждый шаг муравья – трудяги, так же как и я, утомившегося от затянувшегося дождя и терпеливо несущего на своей спине небольшую соломинку. Бабочки и мотыльки, с слегка затекшими от отсутствия движения крыльями, неназойливо выписывали круги замысловатой формы. Где-то в глуби леса раздавался ритмичный стук. Видимо дятел, уставший о бездействия, с прежней прытью взялся за дело. Одним словом, лес оживал, и я оживал вместе с ним. Темнота в глазах постепенно стала рассеиваться и перед глазами у меня снова появились очертания ледокола. Стремительная машина неслась навстречу горизонту. Лед, покрывающий водную бездну, казался нерушимым, но мощные скулы огромной машины уверенно рассекали толстые замерзшие плиты, не испытывая при этом особых проблем. Где-то за краем земли, куда стремился мой ледокол, чуть касаясь края горизонта, висел большой ярко-огненный диск, величественно распустивший в разные стороны свои длинные горящие щупальца. От него исходило тепло. Другое тепло. Оно ощущалось где-то внутри, к нему хотелось прикоснуться.

Спину стало немного пригревать. Я открыл глаза. Опушка леса была залита теплым солнечным светом. Мокрая листва, переливаясь яркими искрами, словно драгоценными камнями

ми, сделала лес по-настоящему сказочным. Облака и тучи расступились, уступив небосвод пылающим лучам утреннего солнца, постепенно приближающегося к зениту. Настроение резко менялось, и менялось в лучшую сторону. Я отошел от своего пня и развернулся лицом к солнцу. «Нет, хоть уже и конец июля, но все-таки еще лето» – подумал я. Несмотря на царившую вокруг влажность, солнце грело, как в теплый погожий день. Становилось даже жарко. Я снял плащ, положил его на пень и снова встал лицом к солнцу с закрытыми глазами, так думалось легче. Окружающая красота не отвлекала от кишаших в моей голове мыслей. У меня из головы не выходил сегодняшний сон. Что бы это могло значить. Бабушка говорила, что любой сон обязательно должен что-то значить, а мой так наверняка. Интересно, почему мне приснился именно С.У.? Стоя лицом к постепенно восходящему солнцу, я стал выстраивать в голове цепочку из того, что видел этой ночью. С.У., ледокол, лыжники. При нашей первой и пока, подчеркиваю единственной встрече, мой сосед упоминал те места, в которых волею судеб, ему приходилось работать. После того, как эта мысль появилась у меня в голове, я все понял. Мой сон был вещим, ну или каким-то информационным. Он непременно что-то мне говорил. Только вот что? Сразу я понять не мог.

Вскоре солнце оказалось в зените. Приоткрыв глаза, я увидел, что от былой водяной стихии потихоньку не остается и следа. Многие листья на деревьях стали сухими и весело

подрагивали на легком ветру, таким образом, проявляя свою нескрываемую радость и ликование завершившейся стихии. Я взял в руки плащ и побрел в сторону дома, совершенно в другом настроении, а так же в надежде, что С.У., вдохновленный погодными переменами, уже давно восседает на своей веранде и наша встреча все-таки состоится.

Глава 7

За прошедшие день и ночь гамак изрядно вымок. К моему приходу бабушка уже его распотрошила и развесила все подушки на нашем хлипком заборе, ровно друг за другом. Подойдя к гамаку, я бросил свой плащ на металлический каркас и уселся сверху. На соседской веранде по-прежнему никого не было. Я принялся по привычке раскачиваться на гамаке, поглядывая из стороны в сторону. Вокруг все дышало. Деревья, трава, крыши домов. Даже гамак, мне показалось, стал каким-то другим. «Нет, все-таки дождь имеет право быть» – подумал я, «Иначе, откуда взяться такой красоте?» Из дома вышла бабушка. В руках она держала толстое ватное одеяло.

– Ты где опять бегал, ошалелый? – прямо с крыльцо сказала бабушка.

– Да я собственно не бегал, так ходил. – с наигранным спокойствием ответил я.

Сейчас бабушка могла поручить мне какое-нибудь дело,

а это как никогда ни кстати, ведь в любой момент мог появиться С.У.

– Помоги ка мне одеяло повесить на забор, а то отсырело совсем.

Я быстро встал с гамака, чтобы помочь ей. Задание, которое требовало выполнения на территории нашего участка, меня напрягало не так сильно. Взяв одеяло с двух сторон, мы принялись вешать его на забор. Сырое ватное и достаточно тяжелое одеяло, поддалось ни с первого раза. При этом я долго не мог взять в голову, зачем оно нужно, это старое сырое одеяло. Но сейчас было не время ворчать и высказывать бабушке свое недовольство по этому поводу, да и на солнечном свету, оно выглядело вроде, как и ничего. Я снова вернулся на свое место. Дом соседа не подавал признаков жизни. Входная дверь закрыта, собственно, как и окна. Промаявшись таким образом до самого обеда и ничего не дождавшись, я принял решение, которое честно говоря было совсем не свойственно для меня. Я передел резиновые сапоги и выйдя через калитку оказался у веранды соседа. Простояв несколько минут в ожидании неизвестно чего, я постучал по деревянным перилам лестницы. «Наверное, нужно чуть громче» – промелькнуло у меня в голове. Слегка замаявшись, я снова несколько раз постучал по деревянным перилам косточками пальцев. Через мгновение, дверь, которая находилась в конце веранды и вела в дом, распахнулась, и на порог вышла женщина, судя по всему супруга

С. У. Признаться, я растерялся.

– Здравствуйте молодой человек, – спокойным до неприличия тоном вымолвила она.

– Здравствуйте.

– Вы, должно быть к С.У.? – немного приблизившись ко мне, спросила женщина.

По какой-то причине, я начинал чувствовать себя все более и более неловко. Как будто я в чем-то виноват или что-то натворил.

– Да, я к нему. – Ярким выраженным неуверенным голом произнес я.

– К моему, а возможно и вашему сожалению, С.У. немного приболел. Посему, он вряд ли сможет составить вам компанию, во всяком случае, сегодня.

Что в этой манере разговора мне показалось до боли знакомым. Женщина держалась очень грациозно. Ровесница мужу, среднего роста, с густыми темными волосами, заколотыми назад в аккуратную прическу. Лицо выражало крайне неопределенные эмоции, ненапыщенная доброта, сопряженная с серьезностью. Из-за приоткрытой двери послышался голос С.У.

– М., кто там пожаловал?

– С., здесь молодой человек, наш сосед, – в приоткрытую дверь произнесла женщина.

– Ну так что же ты держишь гостя на пороге, приглашай его в гостиную. – хоть дверь была не так сильно открыта, го-

лос хозяина дома слышался достаточно отчетливо и не казался больным.

Женщина отошла немного в сторону, приглашая меня войти. За дверью располагалась небольшая прихожая. Настолько небольшая, насколько позволяли общие размеры сооружения. Представляла она собой маленький узкий коридорчик, из которого выходило три двери. Ближняя, с правой стороны, в небольшую кухоньку, чуть дальше слева дверь вела в небольшое помещение, в котором располагалась лестница на второй этаж. Здесь же стоял маленький комод, а на стене висели небольшие, но очень симпатичные бра, выполненные в виде кленовых листьев. Прямо по курсу дверь выходила в большую комнату, в которую мне собственно и предложили войти. Нет, все-таки эта комната была небольшая, но достаточно вместительная. Вдоль левой стены располагался аккуратный трехстворчатый шкаф из темно—коричневого дерева, отделанный миниатюрными узорными уголками. Вдоль противоположной от двери стены, стояли два кожаных кресла, а между ними стеклянный журнальный столик, на котором в аккуратную стопку были сложены газеты и журналы. Рядом с окном, тем самым окном, из которого я так часто слышал звуки музыки, стоял большой диван с высокой спинкой и широкими дутыми подлокотниками. Пол был улан темно-серым ковролином.

С.У. лежал на диване, головой к окну. Вид у него был скорее усталый, чем болезненный. К дивану был придвинут

стул. На нем стоял стакан с водой и какие-то таблетки.

– Ну, здравствуйте, мой юный друг, – голос С.У. тоже казался усталым, – Это моя супруга М.Э. – и он взглядом показал на входную дверь, рядом с которой стояла та самая женщина. Я кивнул головой и еле слышным голосом произнес.

– Очень приятно, М.

– Мне тоже очень приятно, – голос М.Э. был уверенным, но в тоже время мягким и спокойным, – Я думаю М., вы не откажитесь от кружки свежего горячего чая?

Даже если в этот момент мне очень сильно не хотелось чая, я бы не смог отказаться. Голос М. Э. был настолько обволакивающим и решительным, что мой ответ был очевиден. Но ответить я не успел, меня опередил С.У.

– Конечно же не откажется, – сосед перевел вопросительный взгляд на меня, – неправда ли?

Я посмотрел сначала на С.У., затем на М.Э. и ответил.

– Нет. Я не откажусь.

М.Э. удалилась на кухню.

– Ну что же вы стоите, – продолжал сосед, – присаживайтесь, в ногах правды нет. К тому же в моем положении я чувствую себя не совсем комфортно.

Я присел на кресло. Отсюда комнату можно было рассмотреть чуть лучше. Напротив меня висела большая картина в тяжелой золоченой раме, на которой была изображена разбитая от дождей дорога, уходящая в бескрайнее поле. Стены покрывали матовые обои темно-коричневого цвета. На по-

толке висела достаточно большая люстра, как мне показалось, не совсем вписывающаяся в общий интерьер. С одной стороны все окружающее навевало мне неведомую до сели грусть, а с другой, рождало новое осознание жизни, взрослой жизни и почву для размышлений.

– М.Э. сказала, что вы приболели. – выдавил из себя я.

– М.Э. немного преувеличивает, – с уже знакомой мне улыбкой сказал С.У. – Я бы это назвал вынужденным привалом.

Я не совсем понял, что С.У. имел в виду, но вида не показал. Затем мы стали обсуждать все, что происходило за вчерашний день, то есть дождь. С.У. сказал, что за это лето он не припомнит такой непогоды, я естественно согласился. Не потому что знал это, а потому что просто не помнил. Через некоторое время в комнату вошла М.Э. с небольшим подносом, на котором стояли две чашки, аккуратный заварной чайник с высоким носиком и вертикальными золотыми полосками. Поднос М. Э. держала в одной руке, а в другой была маленькая пиала в форме перевернутого зонтика. Все это хозяйство супруга С.У. ловко водрузила на журнальный столик.

– Вы М. сидите за столиком, а тебе дорогой лучше не вставать, если конечно не хочешь повторения вчерашней истории. – С этими словами М.Э. налила чай в чашки и одну поставила на стул рядом с С.У. – Приятного чаепития, – сказала М.Э. и вернулась на кухню.

Что вы думаете оказалось в пиале? Все верно, варенье из крыжовника. Такого приятного болотного цвета, с большими черными косточками. «Где-то я все это уже видел» – промелькнуло у меня в голове.

Мне начинало казаться, что мое молчание и короткие ответы, связанные явно не с застенчивостью, ибо я никогда не считал себя таковым, рано или поздно могли произвести не совсем правильное впечатление на хозяев дома. В конце концов, я собрался вступать во взрослую жизнь и уже сделал первый шаг. Так что я решил перейти в наступление.

– С.У., позвольте поинтересоваться, а что за история произошла вчера? – только после того, как я задал этот вопрос, я подумал, что лучше бы этого не делал, потому, как С.У. мог расценить его как чрезмерное любопытство.

Но мне повезло, все с той же улыбкой он ответил.

– Моя жена преувеличивает. Собственно никаких историй не было. Просто, как я уже сказал, вынужденный привал. Да и вообще, зачем эти скучные разговоры? Расскажите лучше, не посетили ли вас какие-либо новые идеи по поводу вашего ближайшего будущего?

Я не знал, как расценивать вопрос С. У. Его действительно интересовал это или таким образом он перевел разговор на другую тему, а может быть, он просто не знал о чем еще спросить? Глупо конечно. Зачем взрослому, умудренному опытом человеку, в разговоре со мной от чего-то увиливать и переводить тему. Скорее всего, ему действительно

это было интересно. Я в двух словах рассказал, что никаких идей за это время меня не посетило. Конечно, я не стал говорить, что произошло это во многом из-за того, что я просто об этом не думал. И то, что прошедший день у меня прошел в поисках возможности оказаться там, где я сейчас находился.

– Что ж сударь, время у вас еще есть, но поверьте мне, что такие дела лучше не откладывать в долгий ящик. Если позволите, – выдержав небольшую паузу, продолжал С.У., – я могу вам немного посодействовать в этом вопросе?

В очередной раз я не понял, что С.У. имел в виду.

– Посодействовать? – наверное, я специально переспросил, чтобы было немного времени все-таки сообразить, о чем идет речь.

– Если вам не нравится это слово, можем его заменить. Допустим на, поучаствовать?

Полученного времени естественно мне не хватило для вразумительного ответа, поэтому я просто согласился. С.У. присел на диване. У меня создалось впечатление, что он и на самом деле чувствует себя неважно. Признаться, меня это встревожило.

– С.У., может быть, мы перенесем разговор о моем будущем на другой раз? Вам по-моему, и правда не здоровиться. – Промолвил я.

– Не переживай. Любой привал должен во время заканчиваться. Иначе, можно расслабиться окончательно. – С при-

сущей ему иронией сказал сосед.

В этот момент в комнату вошла М.Э.

– Ты что это надумал С.? – она не назвала мужа по отчеству, и признаться это резало слух.

– Ничего дорогая, – С.У. стал успокаивать супругу, – Мы только поднимемся на второй этаж. Ненадолго.

Через мгновение он уже стоял на ногах. М.Э. не стала особо возражать, видимо это было бесполезно. Через маленький коридор мы попали в помещение, в котором находилась лестница на второй этаж. С.У. пропустил меня вперед и велел подниматься, а сам не спеша стал преодолевать ступеньку за ступенькой.

– Выключатель перед дверью, с правой стороны. – Вслед мне проговорил С.У.

Лестница была винтовая и достаточно узкая. Поднявшись на самый верх, я решил не проявлять инициативу и дожждаться хозяина дома. Ждать пришлось недолго.

– Ну что же вы снова растерялись? – с небольшой отдышкой произнес он.

– Да я собственно не растерялся, просто решил дожждаться вас.

Выключатель действительно находился с правой стороны от самой, что не на есть обычной деревянной двери с черной металлической ручкой. Я пропустил С.У, вперед. Тот ловким движением нажал на выключатель и дернув за ручку, открыл дверь. Я переступил порог большой комнаты, занимав-

шей весь второй этаж. На потолке висело две люстры, абсолютно непохожие друг на друга. Одна ближе к двери, а вторая в конце комнаты у окна. Меня удивило, что окно было вполне заурядным. Точно такое же, что и в комнате на первом этаже. Мне всегда казалось, что окна на вторых этажах, должны иметь какую-то особую форму, например круга или в виде ромба, а может и что-то более оригинальное. Во многих домах нашего садового товарищества было именно так, и наш дом не являлся исключением. Но это было не самое главное. Вдоль стен, от пола до потолка стояли стеллажи, под завязку заполненные книгами. В силу особенности крыши, стена ближе к потолку, с обеих сторон имела скошенную форму. Так вот, на этих скосах так же были полки, только подвешенные к потолку и немного заслонявшие стеллажи, находившиеся позади.

С.У. вышел в центр комнаты.

– Ну вот, чем не содействие? – слегка разведя руки в стороны, сказал он.

Такого сюрприза я не ожидал. Если бы в этой комнате, куда меня привел С.У., допустим, сидела приемная комиссия, которая принимала меня в любой институт, какой я захочу, да еще и без экзаменов, я бы удивился намного меньше. Я никогда не отличался любовью к чтению. Да что там, я в принципе не читал, даже то, что мы проходили по школьной программе. Нет, конечно, несколько книг в своей жизни я брал в руки, меня даже хватало на несколько глав,

но в итоге все этим и заканчивалось. Поэтому, когда С.У. называл все происходящее «содействием», я немного напрягся. Не говоря ни слова, я подошел к стеллажу, располагавшемуся вдоль противоположной стены от двери. Самые обычные книжные полки были установлены друг на друга и Наверное прибиты к стене. Каждая из них была закрыта достаточно толстым стеклом, способным передвигаться либо в одну, либо в другую сторону. Возле окна стоял письменный стол с настольной лампой и стул. Все полки действительно были заставлены книгами под завязку, а в некоторых книги стояли не только вертикально, но и лежали в горизонтальном положении поверх остальных. С.У. наблюдал, как я прохожу вдоль полок с выражением неподдельного изумления и страха. Безусловно, его это по-доброму забавляло.

Среди названий книг и их авторов, которые я успевал прочитать, я не встречал ни одного знакомого. Здесь были Скотт и Уайльд, Байрон и Пикок. На полках чуть выше я успел заметить несколько русских фамилий: Грибоедов, Гоголь, Тургенев и другие. На следующей полке в ряд стояли несколько книг в одинаковых переплетах, может быть восемь, может быть десять, на которых было написано Е. А. Федоров «Каменный пояс», книги отличались только лишь нумерацией томов. Я даже не мог представить себе, о чем может быть написано в книге с таким загадочным названием. На стеллаже рядом хранились толстые, в потрепанных переплетах, с едва читаемыми надписями книги. Несмотря на то, что в воздухе

вита́л привкус како́го-то хаоса, глядя на полки я понимал, что на них все абсолютно иначе. Мне казалось, что все книги были расставлены либо в хронологическом порядке, либо по жанрам, а может быть и по национальным признакам того или иного автора. Не знаю почему, но я думал именно так. Дойдя до конца одной стены, я было хотел приняться за другую, но С.У. остановил меня.

– Ну что скажете молодой человек? – вид у него был гораздо бодрее, нежели когда я беседовал с ним, лежащим на диване.

Преодолев, образовавшийся в горле ком, и собравшись с мыслями, я еле из себя выдавил.

– Честно говоря, я даже не знаю. Наверное, вы правы, но я не совсем понимаю, как это все может подействовать, тем более мне?

– Как может подействовать? Элементарно, друг мой. Это книги, – я одобрительно кивнул головой, – а вы знаете, что такое книга?

В этот момент мне показалось, что на сегодня у соседа стоит задача, задавить меня морально. Не мог же я ответить ему, что книга – это странички с буквами, завернутые в разноцветную картонку, поэтому я отрицательно кивнул головой, тем самым предоставляя слово хозяину дома и ожидая какого-то крайне помпезного ответа.

– Мой вопрос вам наверняка показался странным, может быть даже нелепым. Что ж, это абсолютно справедливо. В ва-

шем возрасте, я подумал бы так же, – с этими словами С.У. тяжело опустился на стул, – но с течением жизни все меняется.

С.У. сосредоточенным и грустным взглядом посмотрел в окно. Я просто молчал.

– Когда я был такой, как вы, мой друг, я тоже не знал ответа на этот вопрос. Более того, у меня не было даже никаких предположений. Прежде чем произошло наше истинное знакомство, прошло достаточно времени. – С.У. окинул взглядом комнату и продолжил, – Книга – это друг, властитель пространства. Книга – это все, если хотите. Наверное, вы спросите зачем я привел вас сюда и рассказываю все эти вещи?

Мне оставалось только кивнуть головой в знак, как бы согласия. Я думаю, что С.У. понял, что мой ответ был не более чем единственный вариант продолжения разговора.

– Я вам объясню. Эта скромная библиотека не является примером того, насколько велик и необъятен мир книги. Здесь я постарался собрать то немногое, что по-моему разумению является наиболее ярким проявлением того или иного вопроса. Худо бедно в этой комнате можно отыскать ответ практически на любой вопрос, а если даже не на любой, то во всяком случае, узнать направление, в котором необходимо двигаться. И что самое удивительное, ответ будет правильным, скорее всего правильным, – С.У. в очередной раз выдержал паузу, – к великому сожалению, даже среди книг иногда встречаются такие, что несколькими переворотами

страниц, могут изрядно подпортить общую репутацию истинного мира литературы. Но смею вас заверить, что на этих полках таковых нет.

Во мне боролись два крайне противоречивых чувства. С одной стороны я попал в тот дом, в который меня так манило весь вчерашний день. И не просто попал, а передо мной открылись укромные уголки жизни, этой не совсем обычной семьи. С другой, я не был готов к такому развитию событий, стремительному развитию. Поняв, что я все еще нахожусь в некотором смятении, С.У. продолжил.

– Так в чем же собственно состоит то самое содействие. Не буду лукавить М., вы мне приглянулись после нашей первой встречи. И дело не только в том, что молчание золото, – после этих слов сосед снова улыбнулся, – тем более мне известна его причина. Я подсчитал, что вы действительно находитесь в некотором смятении касаясь своего не столь отдаленного будущего, а мне это знакомо. Не считите меня старым назойливым скрягой, который мается от безделья и навязывает молодому юнцу какие-то нелепые вещи.

Надо было что-то отвечать.

– Что вы, что вы, – начал я, – я никогда в жизни не видел ничего подобного. Я имею ввиду, такого количества книг, да и вообще.

Улыбка не сходила с лица С.У.. Он уже не смотрел печально в окно, а внимательно наблюдал за мной

– Это все ваши книги? – спросил я.

– Ну, если учесть, что они находятся в моем доме, то не сложно предположить, что вы абсолютно правы.

– Их так много. Я действительно никогда не видел такого количества. Да их тут просто тысячи. – увиденная картина на самом деле произвела на меня сильное впечатление.

– Что ж, приятно слышать, – отвечал сосед, – но поверьте, это всего лишь небольшая часть того, что я бы мог вам показать. Всего лишь маленькая часть. Основная е составляющая библиотеки находится в другом месте. Здесь я попытался собрать самое основное, разнообразное и максимально привлекательное, в хорошем смысле этого слова.

В комнате снова зависла глухая пауза. Воспользовавшись ей, я начал движение вдоль второй стены. За стеклами, на пыльных полках друг за другом стояли Диккенс, Бронте, Марк Твен и Конан Дойл. Следом я успевал заметить книги, судя по всему не имевшие отношения к художественной литературе. Какие-то пособия по психологии, метафизике и прочее. Я могу перечислять еще очень большое количество фамилий авторов, которых я вскользь успел зацепить своим взглядом, но наверное это будет бессмысленно. Скажу лишь одно – все книги, как мне показалось, были действительно расставлены по определенному принципу, по какому точно я тогда сказать не мог, но точно это знал.

С.У. снова прервал молчание, своим голосом.

– Ну а здесь друг мой, вам что-нибудь знакомо?

Естественно я не был тем школьником, который среди

всего этого разнообразия, не смог бы отыскать хотя бы одну знакомую фамилию. Так то на это вопрос я ответил вполне уверенно, но тем не менее, все равно вызвав иронию на лице С.У.

– Да, безусловно.

– Вот и славно. – суховато сказал сосед.

Я был немного раздосадован его словами, так как с большой охоткой назвал бы ему пару знакомых мне фамилий, тем самым хоть как-то смог проявить себя. Сосед с усилием встал со стула и подойдя ко мне продолжил.

– Все же, я немного поясню, в чем бы я желал посодействовать. В первую очередь хочу сказать, почему мы находимся именно здесь. Так вот, книга – это источник информации того или иного рода, а стало быть, как я уже говорил, в ней можно найти ответ на любой интересующий тебя вопрос. Главное правильно выбрать книгу. Естественно, бывает, что получается это не сразу. Кто-то годами выискивает для себя истину, так и не найдя ее, а кому-то везет гораздо быстрее. А некоторые вовсе не считают подобные вещи везением. У тебя же есть вопрос, на который ты хотел бы найти ответ? – вдруг неожиданно спросил меня С.У.

– Да, я думаю да, – немного задумавшись, я спросил, – только вот, как книга по вашему, может мне помочь в моем вопросе, я не совсем понимаю?

– А я вот вас понимаю, – С.У. снова вернулся на стул, – главная беда многих людей состоит в том, что некоторые ве-

щи воспринимаются буквально. И как бы ни смешно звучало, в этом случае на помощь снова приходит книга. Конечно, на ее страницах не всегда можно получить четкий и конкретный ответ, иногда приходится довольствоваться только идеей, толчком, просто еле заметным намеком. Да, так тоже бывает и очень часто. А кто сказал, что это плохо? Человечество на протяжении всего своего существования жаждало подсказок. Человек так устроен. И тому много примеров. Куда легче спросить у прохожего где находится та или иная улица, нежели бесконечно бродить по переулкам. Разумеется, это самый безобидный пример. Куда сложнее обстоят дела в поисках духовных вещей. Здесь подчас очень сложно отыскать подсказку, а даже если это получается, то далеко не факт, что она не является западной.

После этих слов С.У. тяжело вздохнул, еще раз кинув взор в окно, поднялся со стула.

– Но пока у меня для вас есть только совет, не забивайте свою светлую голову всем этим, время еще придет, – сосед ласково улыбнулся, – должно прийти. Теперь, если вы не слишком сильно утомились, можно пойти вниз кое – что обсудить и выпить еще чаю.

Мы не спеша спустились вниз в комнату. С.У. попросил супругу налить нам еще чаю, что она с удовольствием исполнила. Мы стали беседовать. Сосед расспрашивал о том, о сем. Спрашивал о моих интересах, хобби. К своему жгучему стыду, мне практически нечего было ответить. Конечно,

были вещи, которые меня интересовали больше остальных, но увлечениями их сложно было назвать. С.У. говорил, что ничего страшного в этом нет, что у меня сейчас такой возраст, в котором должна присутствовать неопределенность. Намекал на переходный возраст и все в этом роде, но делал это в большей степени, чтобы просто меня не обидеть. Где-то внутри себя я не отрицал наличие того самого переходного возраста, хотя считал, что у меня он уже позади. Ведь все указывало на то, что во взрослую жизнь я если еще не вступил, то стою на самом ее пороге.

За разговором время шло быстро. Не успел я обернуться, как минуло обеденное время. С.У. рассказывал некоторые интересные случаи из своей жизни, не вдаваясь в подробности, расспрашивал меня о моей школе, о сверстниках, так же вспоминал то время, когда он был, как я, не забывая постоянно улыбаться. Я не так часто сталкивался с людьми его возраста, которым была присуща подобная черта. Не все, отнюдь, но многие, люди этой категории становятся уставшими, угрюмыми, многие даже озлобленными, не понятно на кого и не понятно почему. С.У. же был совершенно другим. Его легкая ухмылка, несмотря на свое определение, не отдавала глупостью или какой-то пошлостью. Она была абсолютно искренней, теплой и естественной. Создавалось впечатление, что она давно уже стала часть его лица. Добрые, по-особому грустные и усталые глаза, казались неким мериллом, на тот случай, если вдруг кому-то, все-таки пока-

жется, что не сходящая с уст С.У. улыбка, неуместна, что само по себе абсурдно. Будь я помладше, я бы с легкостью мог представить моего соседа в роли какого-нибудь доброго волшебника и звездочета, да Деда Мороза наконец. Что-то мне подсказывало, что с этой ролью он бы справился легко.

В разгар нашей беседы в комнате снова появилась М.Э., и практически в приказном порядке велела нам расходиться, ссылаясь все на то же плохое самочувствие С.У., которое он естественно отрицал. Несмотря на свое огромное нежелание покидать этот дом, мне все-таки мне пришлось удалиться. Покидая комнату, я с надеждой ждал приглашения от С.У. прийти завтра, но по какой-то причине, его увы, опять не последовало. Выйдя на улицу, и оказавшись у входной двери своего дома, меня посетило странное ощущение. Мне показалось, с меня как будто сняли невидимый защитный купол, который находился на мне, пока я был рядом с С.У.. Стало немного зябко, хотя на улице была отличная погода, какая-то растерянность постепенно проникала в голову. Мысль о том, что меня не пригласили завтра, не добавляла мне особой радости. Я понимал, что ничего не смыслю в этих книгах, фамилии практически всех авторов мне были неизвестны, но какая-то неведанная сила тянула меня в этот дом. Что это было, я пока понять не мог. Может быть жажда познания? На то время вряд ли. Вероятно, возможность хоть как-то разобраться со своим ближайшим будущим, сделать еще один шагок к взрослой жизни? Сложно сказать. Скорее все-

го, это был просто глоток чего-то нового.

Глава 8

За оставшуюся часть дня, я на короткое время еще раз посетил свой пень, но ненадолго, а весь вечер просидел перед телевизором. Ночь я провел очень тревожно. Поначалу не мог долг уснуть, а когда все-таки это получилось, где-то в подсознании подгонял стрелки часов, с нетерпением дожидаясь наступления нового дня. На утро я встал не то чтобы рано, но и не залеживался, как это бывало. Вопросы, почему я вчера не явился на обед, у бабушки не возникло. Наверняка она думала, что я загулялся на улице с друзьями, как бывало не раз, и забыл про время, ну а мне это было только на руку. Погода стояла отменная. С самого утра светило яркое солнце, а на небе не было ни облака. Полное безветрие и штиль. За ночь и утро на улице практически все высохло. Кое-где еще конечно оставались следы недавнего потопа, но уже доживающие свои последние мгновения. Посмотрев на часы и оценив погодные условия, я двинулся на опушку к своему приятелю. Здесь яркое солнце в сочетании с каким-то особенным свежим воздухом, ощущалось наиболее «ярко». По традиции я уселся на пень, спиной ко все еще продолжавшему свое восхождение солнцу и закрыл глаза. Но немного подумав, открыл. Меня посетила неожиданная мысль. Глядя на все великолепие окружающей ме-

ня природы, мне не верилось, что через не столь продолжительное время все это закончится. Солнце перестанет пригревать, листва пожелтеет, а после и вовсе опадет. Начнутся дожди, скорее всего даже затяжные. Затем все вокруг окутает белой пеленой и скует в ледяные оковы. Только я этого не увижу. Не увижу потому, что на дачу мы не ездим осенью, а тем более зимой. Причина мне не известна. Возможно, это происходит из-за того, что наш дом не позволяет находится в нем в этот период времени, проще говоря, он не подходит для зимовки, возможно что-то еще, а может просто никто об этом никогда и не думал. Вероятно, стоит изменить традициям? Просто взять, да и приехать сюда зимой. Электрички ведь никто не отменял. И к зиме, я надеюсь, я уже полностью вступлю во взрослую жизнь. Так что такие решения должны будут даваться мне гораздо легче.

Солнце пригревало с новой и новой силой. Полет моих мыслей был разнообразен. Вспомнился и вчерашний сон со всеми его загадками, и долгая беседа с С.У., стеллажи, расставленные вдоль стен второго этажа, добрая улыбка соседа, располагающая и загадочная одновременно. Я оказался в невесомости. Мне никогда еще не было так хорошо. Чего еще может желать человек? Сиюминутное спокойствие, неоскверненное прошлое и какая никакая уверенность в завтрашнем дне, пусть и с привкусом надежды. Сколько я так просидел, сказать не могу, наверное, достаточно долго. К жизни меня вернул какой-то отдаленный звук, очень по-

хожий на стук. Я прислушался. После нескольких секунд предельного внимания, с задержанным дыханием, я пришел к выводу, что это был дятел. Этот монотонный, но в то же время нарочито-ритмичный звук, раздавался откуда-то издалека, а стало быть, был настолько негромким, что очень гармонично вливался в общую гармонию.

Я слез с пня и окинув взором опушку, двинулся в сторону дома. Войдя в калитку, я увидел бабушку, сидящую на небольшой лавочке, которая стояла рядом с входом на террасу. Вид у нее был явно встревоженный. Я приблизился к ней и спросил:

– Ба, ты чего?

– Ой, – еле проговорила бабушка, поднося полотенце, которое держала в руках, к лицу, – к соседям скорая приезжала.

– Скорая? – резким тоном переспросил я, как будто не расслышав с первого раза.

– Скорая, – бабушка не меняла тон.

– И?

– И С.У. забрали в больницу. М.Э поехала вместе с ним. – после этих слов бабушка расплакалась.

Я сел рядом на лавочку, не зная, то сказать. Молча просидев несколько минут, и дождавшись пока бабушка немного успокоиться, я спросил.

– Что с ним?

– Не знаю, – голос у нее все еще дрожал, – вроде гиперто-

нический криз.

«Ну вот» – подумал я, еще одно словосочетание, о котором я никогда ничего не слышал.

– А что это такое? Что-то серьезное? Он умрет? – не знаю, почему последняя фраза сорвалась у меня с губ.

Бабушка изменилась в лице:

– Что ты такое говоришь?

Я не понимал откуда у меня в голове рождаются такие нелепые мысли. Мне вдруг представилось, что С.У. действительно умрет, и я больше никогда не смогу попасть к нему в библиотеку, не прочитаю ни одну из тех книг, которые он мне показывал. В конце концов, он так и не поможет мне определиться с моим дальнейшим выбором. Но через мгновение, Слава Богу, разум взял свое. Те самые нелепые и необъяснимые мысли улетучились и я начал осознавать то, что произошло. Видимо бабушкина новость настолько меня ошеломила, что некоторое время я находился в каком-то трансе. Взамен нелепым мыслям, да и чему тут удивляться, на ум ничего вразумительного не приходило. Какая-то пустота. Видимо не зря М.Э. предостерегала вчера своего мужа, а тот все отшучивался какими-то временными привалами. Оказалось-то все гораздо серьезнее. Где-то внутри, я почувствовал зарождающееся чувство вины. Вины за то, что я тоже приложил к этому руку. А с другой стороны, что я мог сделать. С.У. взрослый человек и сам вправе решать, как ему поступать, а вчера было именно так.

Глава 9

Мы стали видится с С.У. каждый день. Слава Богу, тем для общения у нас хватало, да и времени тоже. Он чувствовал себя хорошо. Проблем с давлением не наблюдалось. Мы много времени проводили на веранде, иногда даже прогуливались по улице. М.Э. как-то сказала, что наши встречи крайне положительно влияют на ее мужа, и поэтому я могу приходить к ним в гости, когда мне вздумается. За «Пятнадцатилетним капитаном» последовал Хаггард, который признаться произвел на меня не такое сильное впечатление. По словам С.У, это было вполне естественно. Чтобы понять или оценить некоторые произведения, их нужно перечитать не один раз, но к «Копьям», по его словам, это отношение не имело. Так что мы пришли к выводу, что это просто не мое. По совету соседа, я отложил прочтение Набокова и «Узорного покрывала» до лучших времен. Если с Набоковым все было ясно, то на мой вопрос по поводу того почему он считает, что С. Моэма пока лучше отложить, он просто сказал, что так будет лучше. Спорить я не стал.

Следующие книги были с того же стеллажа, что и первые. Как я и предполагал, там действительно хранилось то, что подходило для моего возраста, причем английские авторы явно преобладали. Д. Фенимор Купер, Уайльд, Уэллс и т. д.

С каждой новой книгой, я чувствовал, как меняется мое

сознание. Причем здесь нельзя было сказать в лучшую сторону или нет. Оно просто менялось. Становилось другим. Тем самым позволяя гораздо четче ощутить процесс вступления во взрослую жизнь. Вскоре август подошел к своему экватору, а затем и вовсе стал медленно, но верно близиться к завершению. От этого становилось одиноко. Я все не решался спросить у С.У. останется ли он на даче осенью или нет. Для меня этот вопрос был очень важен. Сложившийся образ времяпрепровождения, образ какой-то части моей жизни если хотите, настолько изменил меня, что я с большим трудом мог себе представить, как буду обходиться без всего этого. Как-то в один из вечеров, С.У. сам поднял эту тему.

– Ну, вот М., еще одно лето осталось позади.

Мне оставалось лишь согласиться.

– Да уж. Как всегда пролетело практически незаметно. Жаль. – не скрывая своего разочарования сказал я.

– А мне признаться нет, – продолжил разговор С.У., – Честно говоря, к осени я испытываю гораздо более теплые чувства, нежели чем к лету или допустим весне. Вы вероятно скажете, что это не оригинально? Соглашусь. Зато честно. И не потому, что у меня есть какая никакая дача, где я могу спокойно провести время, пока не наступят холода, нет. Просто, осень я действительно люблю больше, чем все остальные времена года. Просто потому, что люблю. Нельзя любить за что-то, как говорят многие, а затем добавляют,

любить можно и нужно только вопреки. Может и так, только и здесь я позволю себе не согласиться с народом. Все гораздо проще, можно либо любить, либо нет и никаких лишних слов здесь не надо. Хотя нет, я все-таки наверно лукавлю. Есть один козырь, который позволяет сполна насладиться осенним настроением на своей даче – это пенсия.

Мы громко рассмеялись. Наверное, впервые с момента нашего знакомства, сделав это вместе.

– Может я смогу иногда к вам приезжать, допустим, в выходные? – задал вопрос я, пока С.У. не сменил тему разговора.

– Я полагаю, что только в выходные это и получится. В будние вам будет чем заняться, например, ходить в школу, – улыбка снова засияла на его лице, – неправда ли?

Могу смело сказать, что теперь меня такими словами было достаточно сложно смутить. С.У. это понял. Безусловно, его это порадовало. По крайней мере, промелькнувшую в глазах искорку доброго самодовольства, я заметил.

– Все верно, но мне кажется, что здесь, я имею ввиду, книги и вообще, я получу гораздо больше знаний и того, что возможно потребуется мне по жизни. Глупо, наверное, но мне так кажется.

– И согласен и нет, – уверенно сказал С.У., – Безусловно, художественная литература формирует взгляд на многие вещи и на жизнь в целом, а так же на все происходящее вокруг. А как же быть с точными науками? Самообразование?

Что ж это совсем не дурная вещь, но поверьте мне, чтобы заниматься этим неблагодарным делом требуется обладать определенными чертами характера и свойствами человека. Конечно, все зависит от того, что именно вы хотите от всего этого, но как показывает практика, и на этот вопрос часто достаточно сложно дать вразумительный ответ. Как правило, хочется всего и сразу, – С.У. снова загадочно улыбнулся, – Поэтому передача опыта, а именно в этом состоит образовательный процесс, в классическом его понимании, необходима. Плюс стремление и усидчивость. Полезная информация никогда не бывает лишней. Подчеркиваю никогда и подчеркиваю полезная. Вы спросите, как отличить полезную от всякого хлама. Отвечу – не просто. Это так же приходит с опытом, хотя, наверное, есть еще варианты. Допустим, та самая интуиция. Вещь хорошая, но неблагодарная. Чтобы полностью полагаться на нее, нужно обладать определенным жизненным опытом, а так же по-особому относиться к жизни в целом. Что-то вроде легкомыслия. Ну и наконец то, о чем мы уже говорили, пробовать, пробовать и еще раз пробовать. И уже самостоятельно делать выводы касаясь полезности. Но и здесь можно зайти в тупик. При небольшом опыте, а тем более при его отсутствии, вывод я вам скажу, сделать достаточно сложно, тем более правильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.